

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ РОЛЬ ДИФЕМИЗМОВ В СОЗДАНИИ ОБРАЗОВ ПЕРСОНАЖЕЙ В СКАЗКАХ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Калонова Наргиз Нуржововна

Преподаватель кафедры русского языка и литературы,
Денауского института предпринимательства и педагогики,

kalonovanargiza1974@gmail.com

Нурманова Фарангиз Абдукодир кизи

Студентка Денауского института предпринимательства и педагогики

f8198955@gmail.com

Аннотация. В статье исследуется функционально-прагматическая роль дисфемизмов как одного из ключевых стилистических приёмов в сказках М. Е. Салтыкова-Щедрина. Рассматривается теоретическое разграничение дисфемизации и эвфемизации, анализируются конкретные примеры использования сниженной, оценочно-негативной лексики для создания сатирических образов помещиков, чиновников и обывателей. Особое внимание уделяется взаимосвязи дисфемизации с эзоповым языком и приёмом гротеска, а также роли этих средств в реализации авторской интенции — обличении социальных пороков пореформенной России.

Ключевые слова: дисфемизм, художественный дискурс, языковая картина мира автора, эзопов язык, экспрессивная функция, оценочная функция, эмоциональная функция.

Abstract. This article examines the functional and pragmatic role of dysphemisms as a key stylistic device in the fairy tales of M. E. Saltykov-Shchedrin. It examines the theoretical distinction between dysphemization and euphemization and analyzes specific examples of the use of debased, evaluative-negative vocabulary to create satirical images of landowners, officials, and ordinary people. Particular attention is paid to the relationship between dysphemization and Aesopian language and the grotesque, as well as the role of these devices in realizing the author's intention—to expose the social vices of post-reform Russia.

Key words: defimism, artistic discourse, author's linguistic picture of the world, Aesopian language, expressive function, evaluative function, emotional function.

Введение. Творчество М. Е. Салтыкова-Щедрина занимает особое место в истории русской сатиры. Как справедливо отмечал Н. Г. Чернышевский, «ни у

кого из предшествующих Щедрину писателей картины нашего быта не рисовались красками более мрачными. Никто не карал наших собственных язв с большей беспощадностью». Эта беспощадность в значительной степени реализуется через особую языковую стратегию писателя, важнейшим элементом которой является использование дисфемизмов — намеренно грубых, сниженных средств номинации, призванных создать у читателя резко отрицательное отношение к изображаемым персонажам и явлениям.

Сказки для «детей изрядного возраста», по справедливому замечанию цензора Лебедева, представляли собой «едкую, тенденциозную сатиру, более или менее направленную против общественного и политического нашего устройства» [10, с. 1]. В условиях жесточайшего цензурного гнета писатель был вынужден прибегать к сложной системе иносказаний, однако дисфемизация парадоксальным образом становилась тем инструментом, который позволял прорывать эту систему, обнажая подлинную сущность персонажей.

Цель настоящей статьи — выявить функционально-прагматическую специфику дисфемизмов в щедринских сказках, определить их роль в создании сатирических образов и установить взаимосвязь с другими приёмами сатирической типизации.

Теоретические аспекты изучения дисфемизации.

Дисфемизм как лингвистическая категория. В современной лингвистике дисфемизация понимается как процесс, противоположный эвфемизации, — намеренное огрубление речи. Как отмечает Ф. В. Варфоломеев, опираясь на исследование А. В. Бариновой, дисфемизация представляет собой «намеренное использование вульгарного, грубого и стилистически сниженного языка, иногда нецензурных слов и выражений с целью проявления резко отрицательной оценки или создания экспрессии в тех случаях, где возможно стилистическое и эмоциональное употребление». Основное предназначение этого приема — подбор синонимов для замены нейтральных выражений вульгарными, грубыми словами с целью дискредитации объекта [2, с. 230].

Важное теоретическое разграничение вводят К. Аллан и К. Берридж, которые предлагают трёхчастную классификацию: эвфемизмы (благозвучные и вежливые выражения), дисфемизмы (грубые и оскорбительные) и ортофемизмы (нейтральные обозначения). Е. И. Шейгал определяет дисфемизм как «инвективу, основанную на гиперболизации отрицательного признака или замене положительного оценочного знака на отрицательный». Принципиально важно,

что дисфемизмы обладают большей экспрессией, эмоциональностью и оценочной характеристикой, чем эвфемизмы [2, с. 231].

Дисфемизация в системе сатирических приёмов. В творчестве сатириков дисфемизация приобретает особое значение. Если эвфемизмы, как будет показано далее, активно используются Салтыковым-Щедриным для маскировки неблагоприятных действий (взяточничества, казнокрадства, рукоприкладства) в речи самих персонажей, то дисфемизмы становятся инструментом авторской оценки, средством «срывания масок».

Как отмечается в исследованиях, прагматика дисфемизации состоит в появлении причин, побуждающих к употреблению дисфемизмов, их социально-исторических и психологических предпосылок. В случае Салтыкова-Щедрина такой предпосылкой является глубокое неприятие социальной несправедливости, стремление обнажить антинародную сущность господствующих классов.

Лексический состав и экспрессивные средства языка щедринских сказок.

Общая характеристика языковой ткани сказок. Исследователи неоднократно обращали внимание на уникальность языка сатирика. В работе Т. В. Морозовой и Л. В. Макаренко, посвященной лексическому составу цикла «Сказки для детей изрядного возраста», подчеркивается, что «основное внимание уделено анализу лексико-семантического функционирования слов, варьирования их значений в соответствии с экспрессивно-оценочной и стилистической принадлежностью». Авторы указывают на такие приёмы, как «комбинация слов с ярко выраженными коннотациями, "неверное" искажённое толкование слов-номинаций, варьирование сем, контекстные синонимы и антонимы, эвфемизмы, трансформация устойчивых выражений, использование слов (выражений) разных лексических и стилистических пластов» [3, с. 684].

Эта полистилистика создаёт уникальную возможность для дисфемизации: сниженная лексика вводится в контекст, где она сталкивается с высокими, книжными оборотами, создавая мощный сатирический эффект.

Эвфемизация как контекстуальный фон дисфемизации. Для понимания роли дисфемизмов необходимо рассмотреть, как функционируют в сказках противоположные им эвфемизмы. В исследовании, посвященном анализу эвфемизмов в произведениях Салтыкова-Щедрина, отмечается, что «эвфемизация наряду с гротеском, гиперболой, аллюзией является весьма заметным языковым приемом» писателя.

Особенно показательны примеры из «Губернских очерков» и «Истории одного города», где эвфемизмы используются для смягчения неблагоприятных действий чиновников:

«аплодисменты» вместо «пощечина» [4, с. 9];

«принести оную в дар», «подарки», «презент» вместо «взятка» [4, с. 9-10];

«не годится» вместо «очень пьян» [4, с. 10];

«довольно непринужденно распоряжался казенною собственностью» вместо «воровал» [4, с. 11];

«рука моя исполняла свою обязанность» вместо «бил» [4, с. 12].

Как справедливо отмечается в анализе, «ирония рассказчика очевидна, все языковые средства, употребленные в примере, реализуют эзопову манеру повествования». Эвфемизмы в речи персонажей и псевдообъективного рассказчика создают слой лицемерного, прикрытого описания действительности. И именно дисфемизмы служат тем инструментом, который этот слой прорывает.

Дисфемизация в создании образов сказочных персонажей.

Образ помещика: снижение через зоологизацию и физиологизм.

Наиболее ярко приём дисфемизации проявляется в сказке «Дикий помещик». Эволюция образа главного героя строится как постепенная деградация, языковым выражением которой становится нарастающее огрубление описаний.

Первоначально персонаж представлен с иронической, но внешне благопристойной характеристикой: «князь Урус-Кучум-Кильдибаев», «потомственный российский дворянин», пекущийся о «теле белом, рыхлом, рассыпчатом». Однако по мере исчезновения мужиков и одичания помещика лексика радикально меняется:

«Весь он, с головы до ног, оброс волосами... а ноги у него сделались, как железные. Сморгаться уж он давно перестал, ходил же все больше на четвереньках. Утратил даже способность произносить членораздельные звуки...» [10, с. 2].

Кульминацией дисфемизации становится описание охоты помещика: «заметит зайца — "словно стрела соскочит с дерева, вцепится в свою добычу, разорвет ее ногтями, да так со всеми внутренностями, даже со шкурой, съест"».

В этом фрагменте дисфемизация выполняет несколько функций:

Зоологизация: человек сравнивается с диким зверем, причём не через метафору, а через прямое описание звериных повадок.

Физиологизация: акцент на телесном низе, на процессах, обычно скрытых от читателя (разрывание добычи с внутренностями).

Дегуманизация: утрата членораздельной речи, хождение на четвереньках — полная утрата человеческого облика.

Как отмечается в школьном сочинении (что отражает устоявшееся литературоведческое понимание), «одичание помещика свидетельствует о том, что без помощи "мужика" ему не прожить» [10, с. 2]. Дисфемизмы здесь работают на главную идею: паразитическое существование ведёт к потере человеческого облика.

Образ генералов: обнажение инфантильности и паразитизма.

В сказке «Как один мужик двух генералов прокормил» дисфемизация реализуется иначе — через столкновение высокого самосознания персонажей с их животной сущностью. Генералы, убеждённые, что «булки в том самом виде рождаются, как их утром к кофею подают», в ситуации голода демонстрируют полную беспомощность.

Дисфемизмы возникают в описании их действий и мыслей, когда «все жизненные устремления генералов сводятся к еде» [5, с. 2]. Автор намеренно снижает образ «отцов города», показывая их одержимость физиологическими потребностями. При этом дисфемизация не требует грубой лексики — она достигается через концентрацию на низменных мотивах при сохранении внешне благопристойной формы повествования.

Образ обывателя: «пескарь» как дисфемистическая номинация.

Вершиной дисфемистического мастерства Салтыкова-Щедрина становится сказка «Премудрый пескарь». Само название содержит оксюморон: эпитет «премудрый», традиционно относимый к библейским царям и философам, соединяется с названием мелкой рыбёшки.

В ходе повествования «премудрость» последовательно дискредитируется, обнажая свою подлинную сущность — трусость и ничтожество. Как пишет автор, «неправильно полагают те, кто думают, что лишь те пескари могут считаться достойными гражданами, кои, обезумев от страха, сидят в норе и дрожат. Нет, это не граждане, а по меньшей мере бесполезные пескари» [10, с. 3].

Дисфемистический эффект достигается здесь через:

Ихтиологическую метафору: человек последовательно именуется рыбой, причём рыбой мелкой, ничтожной.

Глагол «дрожать»: ключевой предикат, описывающий всю жизнь персонажа, снижает его образ до уровня животного страха.

Отрицание статуса «гражданина»: итоговая авторская оценка лишает персонажа даже права считаться человеком.

Функционально-прагматические аспекты дисфемизации.

Социально-обличительная функция. Дисфемизмы у Салтыкова-Щедрина служат прежде всего целям социального обличения. Они позволяют «снять покровы» с явлений, которые в официальной риторике представляли благопристойными. Как отмечает В. А. Кулакова в исследовании, посвященном идиостилю писателя, «использование темпоральных детерминантов с неопределённой семантикой в начале произведения, необходимых для размывания временных границ в сознании читателя, описание локально ограниченных мест пребывания персонажей» создаёт особый эффект присутствия, заставляя читателя воспринимать сатиру как обличение конкретных социальных типов [1, с. 8].

Создание сатирической типизации. Дисфемизация становится инструментом типизации. Помещик, превращающийся в зверя, генералы, думающие только о еде, пескарь, дрожащий в норе, — каждый из этих образов через систему сниженных номинаций вырастает до символа целого социального явления.

Как отмечается в исследовании Морозовой и Макаренко, «указаны источники семантико-смысловой насыщенности авторского языка и расширения его экспрессивных возможностей посредством трансформационных процессов» [3, с. 684]. Дисфемизмы являются важнейшей частью этих процессов.

Взаимодействие с эзоповым языком. Парадоксальным образом дисфемизация становится частью эзоповой манеры повествования. Как пишет автор школьного сочинения (обобщая устоявшуюся точку зрения), «эзопов язык (а система образов Щедрина идет именно оттуда) остается, но уж само повествование никак нельзя назвать сказкой в обычном понимании этого слова» [5, с. 1]. Дисфемизмы прорывают иносказательную ткань, обнажая подлинное отношение автора к изображаемому.

Заключение. Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы о функционально-прагматической роли дисфемизмов в сказках М. Е. Салтыкова-Щедрина:

1. Дисфемизация является осознанным стилистическим приёмом, противопоставленным эвфемизации как способу маскировки неблагоприятных действий в речи персонажей.
2. Основные функции дисфемизмов в щедринских сказках: социально-обличительная (обнажение антинародной сущности господствующих классов), характерологическая (создание сатирических типов),

эмоционально-экспрессивная (формирование у читателя резко отрицательной оценки).

3. Дисфемизация реализуется через различные языковые механизмы: зоологизацию (уподобление животным), физиологизацию (акцент на телесном низе), стилистический контраст (столкновение высокого и низкого), семантическую трансформацию (переосмысление «высоких» понятий).
4. В общей системе сатирических средств Салтыкова-Щедрина дисфемизмы взаимодействуют с гротеском, гиперболой, эвфемизмами и приёмами эзопова языка, создавая уникальный стиль, который, по словам исследователей, «не встретим больше ни у одного писателя» [5, с. 3].

Дальнейшее изучение дисфемизации в творчестве Салтыкова-Щедрина может быть связано с сопоставительным анализом этого приёма в различных жанрах (сказки, хроники, романы), а также с исследованием эволюции дисфемистической стратегии на протяжении всего творческого пути писателя.

Список использованной литературы

1. Кулакова В. А. Возведение четвёртой стены М. Е. Салтыковым-Щедриным: синтаксические конструкторы // Отечественная филология. — 2026. — № 1. — С. 8–20.
2. Варфоломеев Ф. В. Дисфемизация как стилистический прием в кубофутуристических произведениях В. В. Маяковского // Вестник Дагестанского государственного университета. — 2024. — Т. 39, № 3. — С. 68–73. — DOI: 10.21779/2542-0313-2024-39-3-68-73. [с. 230–232 в цитируемых источниках]
3. Морозова Т. В., Макаренко Л. В. Лексический состав и функционал языка М. Е. Салтыкова-Щедрина в цикле «Сказки для детей изрядного возраста» // Ученые записки Новгородского государственного университета. — 2021. — № 6(39). — С. 684–688. — DOI: 10.34680/2411-7951.2021.6(39).684-688.
4. Анализ эвфемизмов из произведений русской художественной литературы [Электронный ресурс] // StudFiles. — 2016. — URL: <https://studfile.net/preview/5702057/page:9/> (дата обращения: 13.03.2026). — С. 9–12.
5. Приемы и средства сатиры в сказках М. Е. Салтыкова-Щедрина [Электронный ресурс] // УкрЛіб. — URL: <https://www.ukrlib.com.ua/sochin-rus/printout.php?id=6&bookid=77> (дата обращения: 13.03.2026). — С. 1–3.